

Мария Коваленко

Как КОТ
На ГОЛОВУ

Мария Коваленко

Как кот на голову

«Автор»

2026

Коваленко М.

Как кот на голову / М. Коваленко — «Автор», 2026

Забудьте о драконах, эльфах и далёких королевствах. Настоящая магия живёт в обычной квартире с фиалками на подоконнике, в старом подъезде, в запахе масляной краски и утреннего кофе. Саша двадцать лет пряталась от себя, боялась своих желаний. Марсель – чёрный кот с жёлтыми глазами – прожил сто тридцать лет, потерял всех, кому был нужен, и почти смирился с одиночеством. Они встретились в старом парк аттракционов. Он упал на неё с неба, как снег на голову. Она позвала его домой – просто потому, что он казался одиноким. Это изменило всё. Смешная и трогательная история о том, как дружба с котом меняет жизнь, о том, что магия есть в каждом из нас, и о том, что самый уютный хаос – это хаос, в котором есть место любви.

© Коваленко М., 2026

© Автор, 2026

Мария Коваленко

Как кот на голову

Мария Коваленко «Как кот на голову»

Глава 1. Обычный вечер и чёрный кот

В одном прекрасном городе жила самая обычная девушка. Точнее она пыталась быть самой обычной. И ей это удавалось, пока в её жизнь не ворвался один тоже не совсем обычный кот. А если ещё точнее не ворвался, а свалился, как снег на голову, то есть совсем неожиданно.

Итак, в самый обычный вечер в квартире Александры пахло краской, крепким кофе и отчаянием. Это был запах, который невозможно перепутать ни с чем другим: густой, терпкий, чуть горьковатый, он оседал на вещах тонкой невидимой плёнкой, въедался в обои, пропитывал шторы и застревал в уголках губ, если долго сидеть неподвижно и никуда не смотреть. Александра жила в этом запахе уже две недели, с тех пор как взяла заказ на иллюстрацию для сборника современных сказок, и теперь ей казалось, что она сама начинает пахнуть так же – растворившейся надеждой и краской.

Она сидела на полу в позе сломанной куклы – ноги поджаты под себя, спина выгнута дугой, плечи обвисли, как у марионетки, у которой перерезали все нитки сразу. Вокруг неё, веером раскрывшись, лежали листы ватмана, испещрённые карандашными набросками, стёртыми резинкой до дыр, залитыми акварелью и снова перечёркнутыми. Листы лежали повсюду: на паркете, на диване, на подоконнике, один даже прилип к подошве её тапочка, и Саша не замечала его уже полчаса.

Она смотрела на пустой монитор ноутбука с такой ненавистью, будто он был лично виноват во всех бедах человечества. Экран подсвечивался бледно-голубым и никак не хотел показывать ту самую картинку, которая жила у неё в голове, но каждый раз умирала, едва касаясь поверхности цифрового холста.

Третий час она пыталась нарисовать дракона в стиле хюгге. Третий час дракон получался либо страшным, как налоговая инспекция в час пик, либо слишком милым – похожим на плюшевую игрушку из сомнительной лотереи, которую хочется задушить от избытка умиления. Дракон не хотел быть уютным. Дракон хотел быть драконом, и это был принципиальный конфликт, в котором Саша чувствовала себя проигравшей стороной.

– Ну что за ерунда, – пробормотала она, откидываясь на спинку дивана и закрывая глаза.

Комната медленно плыла перед ней, даже сквозь сомкнутые веки. Она знала эту комнату до последней трещинки на потолке, до каждого скрипа половицы, до пятнышка на обоях, которое напоминало карту Австралии, если сильно прищуриться. Квартира была маленькой – всего одна комната с крошечной кухонькой и санузлом. Но Саша любила её за то, что здесь никто не мешал ей быть странной.

Стены когда-то были белыми, но теперь отливали приятной теплотой давно не крашеных поверхностей – местами их украшали пятна от старого чая (круглые, как следы от кружек, которые она ставила на подоконник и забывала убрать), капли краски (застывшие звёздочками жёлтого и зелёного), и один загадочный круг, оставшийся после того, как Саша в шестнадцать лет пыталась вызвать дождь. Вместо дождя тогда пошёл град, величиной с перепелиное яйцо, а на стене проступил отпечаток, похожий на улыбающуюся морду. Она заклеила его постером с группой, которую больше не слушала, но иногда, когда лунный свет падал под правильным углом, морда всё равно угадывалась.

На подоконнике теснились фиалки в горшках. Их было много – штук двенадцать, не меньше, и все они, словно по команде, цвели прямо сейчас, хотя на календаре стоял глубокий октябрь, а за окном медленно умирала осень. Фиалки, казалось, цвели назло всему: они рас-

пускались каждый раз, когда Саша находилась в состоянии глубокой душевной драмы, и сейчас их лиловые, розовые и белые лепестки горели на фоне серого неба, как сигнальные огни на тонущем корабле.

– Хотя бы вы меня не подводите, – вздохнула она, протягивая руку и поглаживая бархатистый листок. – Вы моя единственная радость. И то – потому что я не прошу вас рисовать драконов.

Фиалки одобрительно качнули бутонами – или Саше просто показалось. Она уже не различала, где реальность, а где её собственное воображение, распухшее от бессонницы и бесконечных правок.

За окном медленно умирал осенний вечер. Небо над городом было цвета разбавленной акварели – грязно-розовое внизу, у самой линии горизонта, и тяжелое, свинцовое сверху, налитое дождём, который никак не мог решиться пролиться. Облака двигались медленно, лениво, как старые слоны на водопое, и где-то между ними проглядывал бледный диск солнца.

Город внизу гудел. Стройка на соседней улице продолжалась и по вечерам – глухой ритмичный стук свай проникал сквозь двойные стекла и смешивался с воем сирены где-то вдалеке. Этот звук был похож на пульс спящего гиганта: ровный, тягучий, чуть тревожный. Саша привыкла к нему за три года жизни в этом районе, но сегодня он раздражал особенно сильно – казалось, даже город дышит слишком громко, слишком навязчиво, и не хочет дать ей сосредоточиться.

На улице начал моросить мелкий, почти невесомый дождь, тот самый, который не мочит, а только делает воздух влажным и тягучим, как сироп. Капли оседали на стекле, собирались в тонкие ручейки и стекали вниз, оставляя за собой извилистые дорожки. Саша смотрела на них и почему-то думала, что эти дорожки похожи на её жизнь: непредсказуемые, кривые, и вечно тянущиеся куда-то вниз.

Она посмотрела на телефон. В центре экрана висело непрочитанное сообщение от заказчика. Оно пришло три часа назад, и Саша всё это время оттягивала момент, когда придётся открыть его. Ей казалось, что если она не прочтёт, то проблема исчезнет сама собой. Но проблема, как водится, не исчезала. Она жила в телефоне, дышала сквозь экран и ждала своего часа.

Саша взяла телефон, провела пальцем по стеклу, и сообщение развернулось перед ней во всей своей ужасающей ясности:

«Александра, здравствуйте! Как у нас продвигается дракон? Очень хочется увидеть хотя бы первые наброски. Я понимаю, что это сложная задача, но помните: он должен дышать уютом. Понимаете? УЮТОМ. Как будто он мог бы свернуться калачиком у камина, и при этом все вокруг чувствовали бы себя в безопасности. Но при этом он должен оставаться драконом. Вы же понимаете, о чём я? Жду с нетерпением! Спасибо!»

Саша перечитала это сообщение пять раз, и каждый раз внутри неё закипало что-то горячее и совершенно неконтролируемое. Оно поднималось откуда-то из глубины живота, захватывало грудь, застревало в горле и выходило наружу лёгким, почти незаметным шипением. Она сжимала телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. Уютный дракон. Уютный. Дракон. Который дышит огнём, ест овец и по определению должен внушать ужас. У камина. В свитере, наверное.

Она отбросила телефон на диван и уставилась в потолок. Там, на белой поверхности, проступала тонкая паутина трещин – последствия того самого града, который она вызвала в шестнадцать лет. Тогда ей казалось, что это конец света, а теперь она смотрела на эти трещины и думала, что они похожи на географическую карту несуществующего мира. Мира, где драконы сами рисуют себя, а люди не просят невозможного.

– Если бы я могла просто пожелать, – прошептала она тихо, едва слышно, – чтобы этот клиент отстал от меня со своим уютным драконом.

Она даже не заметила, как слова сорвались с губ. Это было привычное, почти рефлексивное движение – так человек вздыхает, когда ему тяжело, не думая о том, что каждый выдох приближает его к старости. Саша давно перестала контролировать такие мелкие желания. Они вылетали из неё, как пузырьки из газировки, и уходили в никуда – так ей казалось.

Но она знала правду. Потому что слишком часто эта правда возвращалась к ней бумерангом.

Прошло три секунды. Пять. Десять.

Она сидела неподвижно, смотрела в потолок и слушала, как в груди бьётся сердце – ровно, спокойно, будто ничего не произошло.

В ноутбук пикинуло оповещение.

Саша нехотя поднялась, подошла к столу и уставилась на экран. Сначала она увидела иконку почтового клиента, потом – имя отправителя. Тот самый заказчик. Новое письмо.

Она нажала на него дрожащей рукой, и буквы поплыли перед глазами:

«Александра! Срочное сообщение! Мы тут подумали всей командой и решили, что концепция с драконом, наверное, немного переоценена. Да и вообще – драконы сейчас не в тренде. Все хотят что-то уютное, домашнее. Поэтому мы меняем техническое задание! Рисуйте просто кота. В свитере. Тоже уютно! Спасибо, что согласились на корректировки! Ждём эскиз до пятницы. Обнимаем!»

Она замерла.

По спине пробежал знакомый холодок – тот самый, который она чувствовала всегда, когда желания исполнялись. Тягучая, липкая дрожь пробежала по позвоночнику, от копчика до затылка, и Саша вздрогнула.

Она отступила от стола и села на пол, прямо на разбросанные листы.

– Ну вот, опять, – сказала она пустой комнате. – Опять.

И фиалки на подоконнике, которые только что спокойно стояли, внезапно качнулись все сразу – как будто по комнате прошёл сквозняк. Но окно было закрыто, и сквозняка не было.

Саша знала об этой своей «способности» с детства. Она не могла назвать это магией, потому что магия в книгах была красивой, контролируемой и, главное, объяснимой. У неё же всё происходило иначе. Это было больше похоже на сбой в программе реальности, на баг в матрице, который включался каждый раз, когда она позволяла себе слишком сильно чего-то захотеть.

В пять лет она захотела, чтобы мама забыла про наказание за разбитую вазу. Мама действительно забыла и ушла на работу, оставив на кухонном столе контейнер с обедом, который так и простоял весь день нетронутым. Вечером она вернулась голодной и уставшей, но вместо того, чтобы ругать Сашу, просто вздохнула и сказала: «Господи, что же со мной сегодня?»

В семь Саша пожелала, чтобы у подруги Лены, которая плакала из-за короткой стрижки, выросла коса. Наутро Лена проснулась с метровой копной густых и тяжёлых волос. Лена она была в восторге.

В двенадцать она мысленно попросила, чтобы урок математики отменили, – и у учительницы внезапно началась мигрень, такая сильная, что она упала и ударилась головой. Сашу запомнила испуганное лицо учительницы и звон скорой помощи, который смешивался с её собственным стыдом.

Тогда Саша испугалась по-настоящему. Она поняла, что слова имеют вес. Что её мысли не остаются только в голове, а вылетают наружу – невидимыми пчёлами, жужжащими роем, – и делают что-то странное с реальностью. Они искривляют её, перекаивают, заставляют поворачиваться в ту сторону, куда они, эти мысли, направлены. И с тех пор она научилась контролировать свои желания. То есть – перестала загадывать что-то важное.

Она загадывала только ерунду. Саша жила так, балансируя между «хочу» и «не надо», и этот баланс был похож на ходьбу по канату над пропастью. Один неверный шаг – и мир падает в тартарары.

– Ладно, – сказала она, поднимаясь с пола и отряхивая листы с колен. – Кот в свитере так кот в свитере. Хуже не будет.

Она захлопнула ноутбук, с тоской посмотрела на белый лист, который так и остался пустым, и приняла решение: ей нужно выйти. Нужно подышать воздухом, который не пахнет краской и отчаянием, нужно увидеть мир, который не состоит из бесконечных правок и клиентских капризов.

Саша накинула пальто из плотной серой шерсти, сунула ноги в ботинки, завязала шнурки и вышла на лестничную клетку.

Дверь захлопнулась за ней с мягким, уютным щелчком – и в тот же миг фиалки на подоконнике снова качнулись, будто прощаясь.

Город встретил её сырым, обжигающе свежим воздухом, в котором смешалось всё сразу: запах мокрых листьев, растекающихся по асфальту кашицей, запах выхлопных газов, которые висели над дорогами липкой пеленой, запах далёкой выпечки – кто-то на первом этаже соседнего дома открыл пекарню, и теперь её сладковатый аромат проникал повсюду, даже в дождливый вечер, даже в сырость.

Фонари на углу только что зажглись – они горели тёплым оранжевым светом, и этот свет разливался по лужам, как жидкое золото, как растопленный янтарь. Саша остановилась на мгновение, чтобы посмотреть на это зрелище: свет дрожал в воде, переливался, менял оттенки, и казалось, что в каждой луже живёт свой собственный маленький фонарь, который пытается выбраться наружу, но не может.

Она сунула руки в карманы и пошла в сторону парка аттракционов.

Она не знала зачем – просто ноги сами понесли её туда. Внутри неё жило это странное чувство: когда ты не знаешь, куда тебе надо, но твоё тело знает, и ведёт тебя туда, не спрашивая разрешения. Саша давно привыкла доверять своим ногам. Иногда они приводили её в странные места, но странные места всегда оказывались именно теми, где она должна была оказаться.

Парк был старым, заброшенным уже лет десять. Он стоял на окраине города, среди пустырей и недостроенных зданий, и казался островком из прошлого, который время забыло забрать. Карусели заржавели, краска на них облупилась, и теперь они напоминали скелеты каких-то весёлых существ, которые умерли, но так и не перестали улыбаться. Белые, красные, синие полосы на облупившемся металле превратились в пятна, похожие на следы древних ран.

Американские горки вздымались в небо чёрными рёбрами – ржавое железо скрипело и стонало даже от лёгкого ветра, и этот скрип разносился по всему парку, как плач забытого великана. Говорили, что парк собираются снести, строить здесь торговый центр, но все как-то не доходили руки, и аттракционы продолжали стоять.

Саша прошла мимо сломанного колеса обозрения. Его кабинки свисали вниз, как пустые коконы, и ветер раскачивал их туда-сюда, с мерзким металлическим визгом. Саша прошла мимо павильона с надписью «Сладкая вата», мимо тира, где мишени всё ещё стояли на своих местах, но никто уже не стрелял в них, и они смотрели на мир пустыми, чёрными глазами-дырками.

Она остановилась у подножия американских горок и подняла голову. Конструкция уходила вверх, в сумеречное небо, и казалось, что её вершина касается самых нижних облаков. Ржавые рельсы, когда-то гладкие и блестящие, теперь покрылись слоем окиси, и на них, в трещинах и шероховатостях, застревали прошлогодние листья.

– Ну и зачем я сюда пришла? – спросила она вслух, и голос её прозвучал в тишине парка неожиданно громко.

Ответа не было. Только где-то наверху скрипнул металл, и вниз, прямо к её ногам, упал маленький камешек.

Саша подняла голову и посмотрела на самую вершину горок.

Там, на том месте, где когда-то был самый высокий пик и откуда открывался вид на весь город до самой реки, сидел чёрный кот. Он сидел на ржавом рельсе, совершенно не боясь высоты, и смотрел на неё сверху вниз жёлтыми, почти светящимися в сумерках глазами.

Кот был худым, но не тощим. Скорее поджарым, как старый воин, у которого ещё есть силы, но уже нет желания тратить их на пустяки. Лапы у него были длинные, с острыми, чуть загнутыми когтями, которые цеплялись за ржавчину, как альпинистские кошки. Морда была вытянутой, с высокими скулами и чуть скошенным подбородком – из-за этого кот казался одновременно и надменным, и усталым, как учитель, который сотый раз объясняет одно и то же, и уже не надеется, что кто-то поймёт.

И в том, как он держал голову – чуть набок, как будто прислушивался к чему-то невидимому – читалось что-то такое, что заставило Сашу невольно выпрямиться.

– Ты чего там делаешь? – спросила она, сама не понимая, почему спрашивает у кота, который всё равно не может ответить.

Но кот не ответил.

Он просто смотрел на неё. Его жёлтые глаза горели в вечерних сумерках, как два маленьких фонаря, как два огонька, зажжённые неизвестно кем и неизвестно зачем. И в этих глазах была такая глубина, такая тоска, что Саше показалось на мгновение – в них отражается весь мир, весь город, все её мысли и страхи, и этот кот знает о ней больше, чем она сама.

А потом ветер донёс до неё странный звук – будто кто-то тихо, почти неслышно, вздохнул. Или это был не ветер. Или не вздох.

И тогда Саша, сама не зная зачем, сделала шаг к лестнице, ведущей на вершину аттракциона.

Лестница была старой, ржавой, где-то ступеньки прогнулись, где-то выпали, но она почему-то не боялась. Она полезла вверх, держась за перила, которые скрипели под тяжестью её тела, и каждый скрип отдавался в ушах гулким эхом.

Ветер свистел в ушах – теперь он был холоднее, острее, чем внизу, и пальто развевалось у неё за спиной, как плащ супергероя из дешёвого фильма, который снимали в павильоне и забыли прорисовывать спецэффекты. Саша поднималась выше и выше, и с каждым шагом город внизу становился всё меньше, а небо – всё больше, и ей казалось, что она поднимается не по ржавой лестнице, а по ступеням в другой мир.

Наверху было страшно. Не от высоты – она никогда не боялась высоты, – а от ощущения, что мир здесь, на самом верху, был немного другим. Воздух пах озоном, как после грозы, и чем-то сладковатым, как будто кто-то только что зажёл свечу где-то совсем рядом, но свечи не было. Края рельсов, на которые она ступила, были тёплыми, будто их нагрели солнцем, хотя солнце уже давно село.

Кот сидел на рельсе в двух шагах от неё и не шевелился.

Он просто смотрел на неё своими жёлтыми глазами, и Саша чувствовала этот взгляд в каждой клетке своего тела, как будто её сканировали изнутри, как будто она была книгой, которую открыли на нужной странице.

– Ну, привет, – выдохнула она, садясь на холодный металл рядом с ним. – Ты тут один? Или у тебя есть хозяин?

Кот медленно, очень медленно повернул голову и посмотрел на неё в упор.

– Хозяин? – произнес Кот.

Голос был низким, как у старого джазового певца, который слишком много курил и слишком много жил. В голосе слышалась усталость, но также и ирония – лёгкая, чуть заметная, как

трещинка на старой фарфоровой чашке. Это был абсолютно человеческий голос, который по всем законам природы не мог принадлежать коту.

Саша не закричала, не упала, не побежала.

Она просто сидела на ржавом рельсе, смотрела на говорящего кота и думала о том, что сегодня у неё был тяжёлый день, и что, возможно, она наконец сошла с ума. Но почему-то эта мысль не пугала её. Наоборот, она казалась почти успокаивающей.

– Ты разговариваешь, – сказала она наконец.

– А ты очень наблюдательна, – ответил Кот, и в его голосе послышалась усмешка. – Редкий дар в наше время.

– Но... коты не разговаривают.

– Обычно не разговаривают, – согласился Кот, поправляя лапой усы. – Но я не обычный кот. Я, знаешь ли, пережил три войны, один потоп, пять смен власти и двадцать три зимы без отопления. Разговаривать я научился давно, когда это было необходимо для выживания. А ты – первая за последние десять лет, кто не пытается меня согнать метлой и не вызывает службу отлова.

Саша моргнула. Ветер снова донёс запах озона и свечи, и она поняла, что этот запах исходит от кота. От его шерсти, от его дыхания, от всего его существа.

– Мне просто... – она запнулась, подбирая слова. – Мне показалось, что тебе нужна компания. Ты сидел здесь так одиноко. Я знаю, как это – когда одиноко.

Кот прищурился, и на мгновение его глаза сузились до двух тонких жёлтых щёлочек.

– Ты странная девушка, – сказал он.

– Я Саша, – ответила она. – А ты кто?

Кот помолчал. Ветер растрепал его шерсть, но он даже не шевельнулся, и Саша поняла, что он привык к ветру, к холоду, к одиночеству – так привыкают к чему-то, что всегда с тобой.

– Граф Марсель де Люциан, можно просто Марсель.

– Марсель, – повторила Саша, как будто пробуя имя на вкус.

Солнце уже почти село, и на горизонте осталась только тонкая полоска оранжевого света, похожая на шов на небесной ткани, который зашивали торопливыми стежками. Ворона каркнула где-то внизу, и этот звук разнесся по парку, как тревожный сигнал.

Саша сидела рядом с говорящим котом на вершине ржавых американских горок, и ей почему-то не было ни страшно, ни странно. Ей было хорошо. Так хорошо, как не было уже очень давно – наверное, с детства, когда она ещё не знала, что её желания сбываются, и что это опасно. Она чувствовала себя так, будто наконец нашла то, что искала, хотя и не знала, что искала. Как будто какая-то важная деталь в пазле её жизни наконец встала на место.

– Марсель, – сказала она тихо, чтобы не спугнуть этот хрупкий миг. – А ты не хочешь к нам? Ко мне домой? Там тепло, есть подоконник, я могу купить тебе сметану или рыбу. Я не знаю, что едят говорящие коты, но я разберусь.

Кот посмотрел на неё. В его жёлтых глазах мелькнули удивление и растерянность. Или, может быть, надежда, которую он прятал за сто тридцать лет одиночества так глубоко, что уже и забыл, как она выглядит.

– Я не ем сметану, – сказал он сухо, но в голосе его дрогнула тонкая нотка благодарности. – Я ем паштет. Дорогой, с трюфелями. И иногда – огурцы, солёные, не маринованные. Но от твоего предложения я не откажусь.

Он встал – медленно, с достоинством, как старый аристократ, покидающий свой трон. Потянулся, выгнул спину, а потом спрыгнул с рельса на её плечо с лёгкостью, которая совершенно не соответствовала его возрасту.

Он был тяжёлым. Тяжелее, чем обычный кот такого размера, как будто внутри его находилось что-то ещё – невидимое, плотное, живое. Но Саша устояла.

– Только предупреждаю, – сказал Кот ей прямо в ухо, и его голос стал серьёзным, почти строгим. – Я не игрушка. У меня есть свои привычки. Я люблю тишину и ненавижу, когда играет музыка с басами. Я сплю на левом боку, а не на правом, и просыпаюсь ровно в пять утра, независимо от того, хочу я этого или нет. Я не люблю, когда меня трогают против шерсти, и я не ем вискас. Никогда. Запомни это. Если это тебя устраивает – веди.

Саша улыбнулась. Улыбка родилась где-то в груди и растеклась по лицу теплом, которого она не чувствовала уже несколько месяцев.

– Я не трогаю котов против шерсти, – сказала она. – Я рисую драконов. Ну, и котов теперь тоже. В свитерах. Но это не важно. Пойдём.

Она начала спускаться вниз, держась за ржавые перила одной рукой, а другой – придерживая кота, который уютно устроился на её плече и блаженно прикрыл глаза. Марсель был тёплым, живым, и его дыхание касалось её щеки – ровное, спокойное, как дыхание спящего ребёнка.

– У тебя странный запах, – пробормотал Кот, когда они прошли мимо фонаря на выходе из парка. – Пахнешь фиалками и... отчаянием. Немного. Как будто ты долго сидела в закрытой комнате и думала о чём-то грустном.

– Это клиенты, – вздохнула Саша. – Доводят меня до отчаяния иногда.

Кот хмыкнул, но ничего не сказал. Только кончик его хвоста дрогнул, как будто он хотел что-то добавить, но передумал.

Они вышли из парка, миновали ржавые ворота, скрипнувшие на прощание, и направились в сторону дома. Город зажигал огни – один за другим, как будто кто-то невидимый нажимал на кнопки пульта: жёлтые, оранжевые, белые, и они загорались в окнах многоэтажек, в витринах магазинов, в фонарях на столбах. Всё это было так похоже на россыпь светлячков, запертых в стеклянные банки.

Где-то залаяла собака, проехал автобус – старый, дребезжащий, с надписью «Маршрут № 42», который шёл через весь город, от вокзала до окраины. Кто-то разговаривал по телефону на балконе – голос звучал громко, уверенно, но слов было не разобрать, только интонации: то гневные, то успокаивающие.

Мир казался таким обычным, таким знакомым, что Саша почти поверила, что говорящий кот ей приснился. Что она сейчас проснётся у себя на диване, среди листов ватмана, и всё будет по-прежнему.

Но Марсель был на плече. Он был тёплым, живым, и его когти чуть касались её плеча через плотную шерсть пальто. И он дышал. Ровно, спокойно.

– Знаешь, – сказал кот, когда они заходили в подъезд, и эхо его голоса разнеслось по бетонным стенам, – я прожил сто тридцать лет. И за всё это время никто не предлагал мне просто пойти домой. Все хотели что-то взять. Силу, шерсть, усы для зелий, защиту от сглаза, удачу в делах. А ты просто хочешь, чтобы я был рядом. Почему?

Саша остановилась на лестнице. Ступеньки были старыми, выбитыми, с облупившейся краской, и одна из них скрипела так жалобно, будто её никогда не ремонтировали. Она повернула голову к коту, и их глаза встретились – её серые, уставшие, и его жёлтые, с золотым отливом, как у старого янтаря.

– А что в этом такого? – спросила она. – Это же нормально – быть рядом. Просто быть. Ничего не просить, ничего не требовать. Просто сидеть рядом и знать, что ты не один.

Марсель помолчал. Его усы чуть дрогнули, и в глубине жёлтых глаз мелькнуло что-то, чего Саша не могла прочесть. Может быть, боль. Может быть, радость. Может быть, что-то среднее.

– Нормально, – сказал он наконец очень тихо, почти шёпотом, так что Саша едва слышала. – Но редко. Очень редко.

Они поднялись на третий этаж. Лампочка в подъезде мигала – то загоралась, то гасла, как будто она тоже не могла решить, хочет ли она работать сегодня. Саша достала ключи, долго искала нужный, потому что они все были на одном кольце и вечно путались, и наконец открыла дверь.

Квартира встретила их знакомым запахом краски и крепкого кофе, но теперь в нём появилось что-то новое – тёплое, живое, как будто приход кота изменил саму атмосферу комнаты. Фиалки на подоконнике, которые всё это время стояли неподвижно, вдруг качнулись все разом, как будто приветствуя гостя, и на мгновение Саше показалось, что они стали ярче, насыщеннее.

Она поставила Марсея на пол, и кот медленно, с достоинством, прошёлся по комнате. Он обошёл диван, заглянул под него, поскрёб лапой паркет в углу, проверяя его на прочность, затем взобрался на подоконник, ловко перепрыгнув через стопку книг, и уселся среди фиалок, как царь на троне.

– Приемлемо, – сказал он, обводя комнату взглядом. – Но слишком светло. И чего это фиалки так цветут? Они же должны цвести весной, а сейчас октябрь. Это что, какой-то сбой?

– Они всегда цветут, когда я нервничаю, – ответила Саша, стягивая пальто и вешая его на крючок у входа. – Это такой... ну, их особенность. Я не знаю, как это объяснить. Они чувствуют моё настроение. Когда мне плохо – они цветут. Когда хорошо – тоже цветут, но меньше.

Кот посмотрел на неё с выражением, которое можно было перевести как «это уже не фиалки, это медицинские приборы», но промолчал. Он свернулся клубком на подоконнике, положил голову на лапы и прикрыл глаза. Но Саша видела, что он не спит – его уши чуть подрагивали, улавливая каждый звук, каждый шорох в старой квартире.

А Саша подошла к ноутбуку, села на стул и уставилась на новый заказ. Кот в свитере. Уютный. Она открыла программу и начала рисовать контур – лёгкий, почти невесомый, как будто рисовала не рукой, а мыслью.

– Я могу изменить форму, – сказал Марсель из-за её спины, не открывая глаз. – Если хочешь, могу подсказать. Я знаю, как должны выглядеть коты. Я, знаешь ли, сам кот.

– Ты умеешь рисовать? – удивилась Саша.

– Я могу сидеть на плече, пока кто-то рисует. Это почти то же самое.

Саша усмехнулась, и внутри неё, где обычно живёт тревога, начало разрастаться что-то светлое и тёплое. Она не знала, что это, но чувствовала: сегодня случилось что-то важное. Что-то, что изменит всё. Может быть, не сразу, не сейчас, но изменит обязательно.

– Марсель, – сказала она, не оборачиваясь, и голос её был мягче, чем она ожидала, – я рада, что ты появился. Правда.

Кот, сидящий на подоконнике среди фиалок, приоткрыл один глаз. Жёлтый, с вертикальным зрачком, он блеснул в полумраке комнаты.

Он ничего не ответил. Но его хвост – самый кончик, чёрный и пушистый – дрогнул. Один раз. Совсем чуть-чуть.

А потом за стеной, в квартире соседей, что-то глухо ухнуло, и фиалки на подоконнике дружно погасли, как будто кто-то выключил в них свет.

Глава 2. Теория хаоса

Саша замерла, не дыша.

Тишина в комнате стала абсолютной – такой плотной, что можно было услышать, как в старой проводке за стеной гудит электричество, как где-то далеко, на соседней улице, проезжает машина, и как её собственное сердце бьётся где-то в горле. Она не могла оторвать взгляда от фиалок. Те самые фиалки, которые она поливала, пересаживала, разговаривала с ними по вечерам и ругала по утрам, – они стояли неподвижно. Их лепестки, ещё секунду назад сиявшие насыщенным лиловым и нежно-розовым, вдруг потускнели, словно кто-то повернул регу-

лятор яркости на пульте управления вселенной. Бутоны сжались, стебли поникли, и в комнате стало темнее. Будто исчез тот невидимый свет, который они излучали всегда, когда Саша была в тревоге или в радости, и осталась только обычная, серая, октябрьская полутьма, которая выползала из углов и заливала комнату, как холодная вода, просочившаяся сквозь трещины в плотине.

За стеной снова ухнуло – глухо, тяжело, так, что на кухне звякнула ложка в подставке. Этот звук был похож на падение мешка с песком или на выдох гигантского зверя, который только что проснулся и решил напомнить о себе. А потом послышался приглушённый голос соседа сверху, который, судя по интонации, только что пролил на себя что-то горячее, и теперь ругался так изобретательно и с такой цветистой фантазией, что Саша невольно уважительно приподняла бровь. Сосед сверху был грузчиком на складе, высоким и широкоплечим, и его голос всегда разносился на три этажа, когда он был чем-то недоволен. Но в этом ругательстве было что-то странное – испуг, примешанный к злости, как будто он сам не понимал, что только что случилось.

– Что это было? – спросила Саша, оборачиваясь к коту.

Марсель, до этого момента лежавший на подоконнике с притворно-сонным видом – голова на лапах, глаза прикрыты, хвост свешивается вниз, – вдруг сел. Он сделал это так резко, так стремительно, что Саша вздрогнула. Его уши встали торчком, настороженные и чуткие, как две маленькие антенны, и в жёлтых глазах мелькнула настороженность – острая, холодная, как лезвие ножа, которое только что вынули из ножен. Он смотрел на стену, за которой только что раздался звук, и в его взгляде было столько напряжения, что Саша почти физически ощутила, как от него повеяло холодом. Таким холодом, какой бывает в подвалах старых домов, куда не проникает солнце, и где воздух пахнет сыростью и забытыми вещами.

– Магия, – сказал Кот, и голос его стал низким, серьёзным, без капли иронии. Теперь в нём слышалась только твёрдость и усталость, и что-то ещё – настороженность старого солдата, который узнал звук приближающегося врага. – Чужая магия. Слишком близко. И слишком грубая.

– То есть это не просто сосед уронил шкаф? – переспросила Саша, хотя сама уже знала ответ. Она чувствовала это – странное покалывание в пальцах, которое всегда появлялось, когда рядом происходило что-то необъяснимое. Это было похоже на статическое электричество, только оно гуляло не по поверхности кожи, а где-то глубже, под ней, возле самой кости.

– У твоего соседа нет шкафа, который мог бы так ухнуть, – Марсель соскочил с подоконника и бесшумно приземлился на пол, даже не скрипнув половицей. Его лапы коснулись паркета с лёгкостью, которая совершенно не соответствовала его весу, и он двинулся к стене, ступая мягко, крадучись, как хищник на охоте. – И у него нет магии. Я бы её почувствовал. Мой нос, знаешь ли, за сто тридцать лет научился различать сотни оттенков магического запаха. Этот звук – он был магическим. Грубым, необработанным, как удар кувалдой по стеклу, но определённо магическим. И он идёт не от соседа. Он идёт... откуда-то изнутри стены.

Саша встала со стула. Спинка стула громко скрипнула, и этот звук показался ей неестественно громким в повисшей тишине. Она подошла к стене, приложила ладонь к холодным обоям – они были шершавыми, с мелким рисунком, который когда-то изображал цветы, но выплел до состояния неясных пятен. За стеной было тихо. Сосед сверху уже закончил ругаться, и теперь оттуда доносился только привычный гул холодильника – ровный, убаюкивающий, – и далёкий звук телевизора, в котором кто-то что-то продавал с экрана громким, жизнерадостным голосом. Всё как обычно, как всегда, как было вчера и позавчера. Но внутри неё, в том самом месте, где минуту назад разрасталось тёплое и светлое чувство от того, что она привела домой Марселя, – теперь поселился холодный, липкий комок тревоги. Он рос, разбухал, заполнял собой грудную клетку, и Саше стало трудно дышать.

Саша отступила от стены и скрестила руки на груди. Она почувствовала, как её пальцы дрожат, и сжала их в кулаки, чтобы скрыть эту дрожь.

– Ты хочешь сказать, что мы в опасности? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, спокойно, будто она спрашивает о погоде на завтра. – Через полчаса после того, как я тебя привела домой? Это какая-то магия, которая всегда была в этом доме? Или... или это пришло оттуда, от тех людей, которых ты упоминал? Тех, кто хотел забрать твою силу?

Марсель фыркнул – презрительно, но без злобы. Его усы дёрнулись, и он отвернулся, будто обиделся, но через секунду снова повернулся к ней.

– Я не привожу погоню, – сказал он с достоинством, которое больше подошло бы королю, чем коту. – Если бы за мной кто-то следил, я бы знал. За сто тридцать лет я научился чувствовать чужое внимание за километр. Эта магия – она не за мной. Я чувствую её впервые. Она... она за тобой. Или за твоим домом. Или за той силой, которую я почувствовал в тебе. Я не знаю точно. Но я знаю, что мы должны быть осторожны. Сейчас – особенно. И поэтому сначала – нам нужно поговорить. По-настоящему поговорить. Без этих твоих, – он махнул лапой в сторону ноутбука, где на экране всё ещё горел несохранённый набросок кота в свитере, – уютных драконов и котов в свитерах.

Саша вздохнула. Глубокий, долгий вздох, который вырвался из самой глубины лёгких, словно она держала его внутри весь день и только сейчас выпустила наружу. Она хотела возразить – сказать, что уже поздно, что она устала, что хочет просто лечь спать и забыть этот странный, безумный день, в котором говорящие коты, магические звуки за стеной и погасшие фиалки стали такой же обыденностью, как утренний кофе или вечерние новости.

Но внутри неё зашевелилось что-то любопытное – тот самый голос, который всегда шептал ей в детстве: «А что, если это правда? Что, если ты не сумасшедшая? Что, если мир больше, чем ты думаешь?». Это было желание понять. Понять, почему с ней всё это происходит, почему её желания сбываются, и кто, чёрт возьми, этот кот, который появился в её жизни так внезапно, так неожиданно, так странно, что это могло быть только сном.

– Хорошо, – сказала она, опускаясь на пол. Паркет был холодным, и холод проник сквозь тонкие домашние штаны, но она не обратила на это внимания. Она села напротив Марселя, поджав ноги, и положила руки на колени. – Давай говорить. Но ты мне всё расскажешь. Всё-всё. Без утайки. Договорились?

Кот посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Его усы дрогнули, и он медленно кивнул, как будто принимал важное решение, от которого зависела его жизнь.

– Договорились, – сказал он. – Но сначала – дай мне поесть. Я не ел два дня, и голодный разговор ни к чему хорошему не приводит. У меня начинает сводить живот, и я становлюсь раздражительным. У тебя есть паштет? И, пожалуйста, не тот, что из магазина у дома. Там в составе соя, крахмал и непонятно что. Я не буду есть эту химию, даже если начнётся апокалипсис.

Саша усмехнулась, и тревога чуть отпустила её. Она почувствовала, как мышцы плеч расслабляются, как напряжение уходит из шеи, и улыбка, родившаяся где-то внутри, наконец пробивается наружу.

– Ты – самый требовательный кот в мире, – сказала она, поднимаясь и направляясь к маленькой кухоньке, которая отделялась от комнаты только барной стойкой. – У меня есть банка паштета. Дорогого. Я купила его в том маленьком гастрономе на углу, знаешь, где продают всякие деликатесы, которые я обычно не могу себе позволить. Это было на мой день рождения, три месяца назад. Я тогда думала: «Ну, сегодня я особенная, сегодня я могу купить что-то дорогое». И купила. А потом так и не открыла. Считай, что это подарок судьбы. Или, точнее, подарок тебе.

Она открыла холодильник. Он гудел ровно и убаюкивающе, как старый верный пёс, и этот гул смешивался с тиканьем настенных часов на кухне – единственным звуком, который напоминал о том, что время идёт, даже когда кажется, что оно остановилось.

Она достала стеклянную банку с золотистой этикеткой. На ней была нарисована корова, которая улыбалась, и надпись: «Паштет из печени с трюфелем». Саша не знала, зачем купила это – она вообще не любила паштет, но в тот день ей казалось, что это важно, что это как-то связано с её взрослением, с тем, что она теперь может позволить себе такие вещи. Банка стояла в холодильнике и ждала. И вот дождалась.

Она открыла крышку, и по комнате поплыл аромат. Густой, насыщенный, мясной, с нотками пряностей и трюфеля – землистого, почти грибного запаха, который невозможно было с чем-то перепутать. Запах заполнил маленькую кухню, просочился в комнату, смешался с запахом масляной краски и крепкого кофе, и на мгновение Саше показалось, что она стоит не в своей старой студии, а в дорогом ресторане, где подают такие блюда, которые она видела только в журналах.

Марсель, сидевший на полу, невольно приподнял голову и приоткрыл рот, словно пробуя запах на вкус. Его ноздри дрогнули, и он облизнулся – коротким, почти незаметным движением языка.

– Приемлемо, – сказал он, и в голосе его, несмотря на сдержанность, послышалась едва заметная дрожь. – Очень даже приемлемо. Даже больше чем приемлемо. Я чувствую трюфель. Настоящий. Не тот химический заменитель, который кладут в дешёвые паштеты. Это хорошая банка.

Саша выложила паштет в маленькую синюю тарелку и поставила на пол перед Марселем. Кот подошёл к тарелке с достоинством, которое больше подошло бы графу, обедающему в ресторане с белыми скатертями, чем бездомному коту, который только что нашёл временное пристанище. Он наклонил голову, понюхал паштет, затем начал есть. Медленно, аккуратно, как дегустатор, облизывая каждый кусочек с такой тщательностью, будто пробовал изысканное вино. Его усы подрагивали, и Саша видела, как он наслаждается каждым кусочком.

Она села напротив, на пол, поджав ноги, и смотрела на него. Свет настольной лампы падал на них – на её лицо, бледное и уставшее, и на его морду, чёрную, с желтыми глазами, в которых отражался тёплый свет. И в этом свете кот казался одновременно и сказочным существом, пришедшим из древних легенд, и просто старым, уставшим животным, которое наконец нашло тёплое место, где можно поесть и отдохнуть.

– Ты говорил, что тебе сто тридцать лет, – начала Саша, когда Марсель доел паштет, вылизал тарелку до блеска и принялся вылизывать лапы с такой сосредоточенностью, будто это было самым важным делом в его жизни. – Это ведь неправда? Ну то есть... ты выглядишь как обычный кот. Молодой даже. Шерсть блестит, глаза ясные. Разве коты столько живут?

Марсель поднял на неё взгляд и усмехнулся – именно усмехнулся, как старый профессор, который слышит наивный вопрос студента-первокурсника.

– Обычные коты не живут столько, – сказал он, усаживаясь поудобнее и складывая лапы перед собой. – Обычные коты живут лет пятнадцать-двадцать. Но я не обычный кот. Я был фамильяром. Ты знаешь, что такое фамильяр?

– Это... помощник ведьмы? – неуверенно произнесла Саша, вспоминая книжки, которые читала в детстве. Там на плече у колдуньи всегда сидела чёрная кошка или сова, которые шептали ей на ухо тайные заклинания. – Я читала про это в книгах. Всякие там чёрные коты, совы, иногда жабы. Они помогают ведьме с магией и охраняют её дом.

– Именно, – кивнул Марсель. – Я был фамильяром. У ведьмы. Её звали Агата, и она была старой, мудрой и совершенно безумной. Я говорю это с любовью, потому что безумие – это единственное, что делает магов интересными. Я прожил с ней семьдесят лет. Почти всю свою жизнь. Она научила меня говорить, думать и видеть магию. Она дала мне имя. И она была

мне... – он запнулся и замолчал на мгновение, опустил голову, и когда заговорил снова, голос его стал тише, как будто он боялся, что кто-то услышит, – она была мне семьёй. Единственной семьёй, которую я знал.

Саша молчала, давая ему говорить. Она чувствовала, что это важно, что он редко рассказывает о своей жизни, и что сейчас он делает это только потому, что доверяет ей. Доверяет, хотя знает её всего несколько часов. Это казалось странным – но в то же время естественным, как будто они знали друг друга давно, очень давно, и просто встретились снова, чтобы продолжить начатый разговор.

– А потом она умерла, – продолжил Марсель, и голос его стал совсем тихим, почти шёпотом. – Это случилось пятьдесят лет назад. Она была старой, очень старой, даже для ведьмы. Ей было двести сорок лет. И она знала, что конец близок. Мы говорили об этом. Она сказала, что не боится, что устала, что хочет отдохнуть. Но я... я не был готов. Я думал, что она будет жить вечно. Я думал, что все ведьмы живут вечно. Но Агата умерла. Она просто легла спать – и не проснулась. Я сидел рядом с ней три дня, ждал, когда она откроет глаза, когда она скажет мне, что это была шутка, что она пошутила, как всегда шутила про свою смерть. Но она не открыла глаза. И я остался один.

Он замолчал. Его хвост, который до этого спокойно лежал на полу, дрогнул и чуть поднялся, но он не стал его опускать. Саша видела, как его плечи – те самые, под которыми скрывались тонкие кости – слегка напряглись.

– После её смерти я стал свободным, – сказал он, и голос его снова обрёл твёрдость, но в ней слышалась боль, которую он пытался скрыть за сухостью. – Но свобода оказалась не тем, чего я хотел. Я не умел быть один. Я привык быть нужным. Я привык, что кто-то разговаривает со мной, зовёт меня по имени, нуждается во мне, советуется со мной. А после Агаты... никому не нужен был говорящий кот. Только те, кто хотел использовать меня. Охотники, коллекционеры, маги, которые хотели забрать мою силу, чтобы продать её на чёрном рынке. Те, кто хотел сделать из меня амулет или талисман. Я сбежал. Прятался. Жил на чердаках, в подвалах, в парках. А потом нашёл эти горки. Они были высокими, и оттуда было видно весь город. И никто не мог до меня добраться. И я сидел там пять лет. Пять лет, Саша. Один. И думал, что так будет всегда.

Саша смотрела на него, и в груди у неё разрасталась боль. Чужая, но такая отчётливая, как будто она сама прожила эти пятьдесят лет одиночества, сама пряталась на чердаках, сама смотрела на город с высоты ржавых горок. Она не могла объяснить это чувство – но оно было, и оно было сильным.

– Я понимаю, – сказала она тихо, и её голос прозвучал в тишине комнаты мягко, как прикосновение. – Я знаю, каково это – быть одной. И когда кажется, что так будет всегда.

Марсель поднял голову и посмотрел на неё с удивлением. Его жёлтые глаза расширились, и в них мелькнуло что-то, чего Саша не могла прочитать. Удивление? Недоверие? Или, может быть, проблеск понимания, который появляется, когда два одиноких существа находят друг друга.

– Ты? – переспросил он. – Ты молодая, красивая, у тебя есть подруга, работа, ты живёшь в городе, где полно людей. Почему ты одна?

Саша усмехнулась, но улыбка вышла горькой, как тот кофе, который она пила утром без сахара. Она опустила взгляд на свои руки – они лежали на коленях, бледные, с тонкими пальцами, на которых засохла краска.

– Потому что я боюсь себя, – сказала она, и голос её стал совсем тихим. – Мои желания... они опасны. Я усилитель хаоса и беспорядка. Как я могу подпустить кого-то близко, если я могу случайно пожелать что-то, что его уничтожит? Или искалечит? Или изменит до неузнаваемости? Я не хочу причинять боль тем, кого люблю.

– Ты не можешь пожелать зла, – тихо сказал Марсель. – Усилители хаоса – они не злые. Они просто... слишком сильные. Слишком яркие. Их желания исполняются буквально, но они никогда не несут зла. Только хаос, беспорядок. Иногда смешной, иногда страшный, но всегда – без злого умысла. Твоя душа чистая. Иначе желания были бы другими.

– Откуда ты знаешь? – спросила Саша, поднимая взгляд.

– Я встречал одного такого, – сказал Кот печально. – Это было очень давно, ещё до Агаты. Мальчик, который мог исполнять желания. Ему было двенадцать, и он не знал о своей силе. Он хотел, чтобы его мама выздоровела – у неё была болезнь лёгких. И она выздоровела. Но стала... слишком здоровой. Не могла уставать, не могла спать, её тело не знало покоя. И это её сломало. Она сошла с ума от вечной бодрости, от того, что не могла остановиться. Мальчик больше никогда ничего не загадывал. Он замкнулся в себе, и когда я встретил его через десять лет, он был совсем один. Он боялся даже мыслей. Я запомнил его глаза. Твои глаза – такие же. В них тот же страх и та же пустота.

Саша отвернулась. На стене, у самого потолка, виднелась та самая трещина – следствие её детского желания вызвать дождь, которое обернулось градом и разрушениями. Она смотрела на неё и думала о том, сколько ещё таких трещин осталось в её жизни. Не на стенах – внутри. В душе. В сердце.

– Я не хочу быть такой, – сказала она шёпотом, почти неслышно. – Я хочу быть нормальной. Хочу, чтобы мои желания не пугали меня. Хочу, чтобы я могла любить без страха.

– Нормальных не бывает, – отрезал Марсель, и в голосе его появилась суровая наставническая нотка. – Есть только люди, которые умеют принимать себя, и люди, которые не умеют. И ты, Саша, – он посмотрел на неё с неожиданной мягкостью, которая так не вязалась с его колючим характером, – ты должна научиться принимать себя. Потому что твой дар – это не проклятие. Это возможность. Возможность делать мир таким, каким ты хочешь его видеть. Ты можешь менять реальность, Саша. Это огромная сила и огромная ответственность. Но сначала нужно научиться ею управлять.

– И ты научишь меня? – спросила Саша, поднимая голову и встречаясь с ним взглядом.

Кот помолчал. Его жёлтые глаза встретились с её серыми, и в этом взгляде было столько всего – и сомнение, и надежда, и страх, и решимость, и что-то ещё, что Саша не могла назвать, но чувствовала, как тепло разливается внутри.

– Научу, – сказал он наконец. – Но это будет трудно. Я буду строгим учителем. Я не буду тебя жалеть. Я не буду делать скидок на то, что ты устала или что у тебя плохое настроение. Ты будешь делать то, что я говорю, когда я говорю. Без вопросов, без споров, без отговорок. Договорились?

Саша кивнула. Медленно, но уверенно, чувствуя, как внутри неё зажигается решимость. То самое чувство, которое она испытывала в детстве, когда собиралась прыгнуть с высокой ветки в реку: страшно, но так хочется.

– А сейчас, – сказал Марсель, вставая и потягиваясь, – я хочу спать. Разговор был долгим, и я устал. Я старый кот, Саша. Мне нужно отдыхать после таких серьёзных бесед. И у меня есть правило: я не разговариваю о серьёзных вещах после десяти вечера. Это нарушает мой внутренний баланс и мешает пищеварению.

– Ты можешь спать на диване, – сказала Саша, показывая на старый, продавленный диван с вытертой обивкой, на которой виднелись следы от кошачьих когтей – она купила его уже с этими следами, не зная, что они когда-то пригодятся. – Или на подоконнике, если хочешь. Там тепло от батареи.

– Я буду спать на подоконнике, – сказал Марсель, запрыгивая на него с ловкостью, которая удивила Сашу. Он перепрыгнул через стопку книг и приземлился прямо на подушку, которую она положила возле фиалок. – Там больше воздуха. И там пахнет фиалками. Только они

теперь не цветут, и это меня тревожит. Но мы разберёмся с этим завтра. Сейчас – сон. Всё остальное – потом.

Он улёгся, свернувшись калачиком, и положил голову на лапы. Через минуту его дыхание стало ровным и глубоким – он заснул. Как самый обычный кот, который нашёл тёплое место и больше ни о чём не беспокоится.

Саша сидела на полу, смотрела на него и чувствовала, как внутри неё, в том самом месте, где жила тревога, разрастается что-то новое. Что-то тёплое и светлое, похожее на солнечный луч, который пробивается сквозь тучи. Она не знала, что это, но ей казалось, что это похоже на надежду.

Она встала, чувствуя, как затекли ноги от долгого сидения на холодном полу, подошла к выключателю и щёлкнула им. Комната погрузилась в темноту, только уличный фонарь за окном отбрасывал на потолок оранжевые отсветы, которые колыхались от ветра, качавшего ветви старого тополя.

Саша легла на диван, натянула плед до самого подбородка и закрыла глаза. Плед пах старой шерстью и чем-то сладким – наверное, от фиалок, которые когда-то цвели.

За стеной снова что-то ухнуло.

Но она не обратила на это внимания.

Она думала о Марселье. О том, какой он странный, колючий, надменный – и в то же время ранимый, потерянный, ищущий. О том, что он, как и она, боится одиночества. О том, что они нашли друг друга, и, может быть, в этом есть какой-то смысл.

Она думала о том, что завтра начнётся новая жизнь. Жизнь, в которой есть говорящий кот, магия и надежда на то, что она перестанет бояться себя. Что она сможет научиться контролировать свою силу и использовать её для добра.

И, засыпая, она почти не заметила, как фиалки на подоконнике едва заметно дрогнули и чуть-чуть распустились – первые, слабые, почти незаметные лепестки, которые засветились в темноте, как маленькие маячки в тумане, как обещание того, что всё будет хорошо.

Утром Саша проснулась от того, что на неё кто-то смотрел.

Это было странное ощущение – знакомое и в то же время чужое, как будто она чувствовала взгляд сквозь сон, сквозь закрытые веки, сквозь плотную ткань пледа, который укрывал её до самого носа. Она открыла глаза.

Марсель сидел на её груди.

Он сидел на ней, сложив лапы, и смотрел на неё в упор своими жёлтыми, пронзительными глазами. Взгляд был совершенно осмысленным, почти человеческим, и в нём читалась лёгкая насмешка, смешанная с нетерпением.

– Доброе утро, – сказал он. – Ты спишь дольше, чем я ожидал. Час уже седьмой. Я подождал бы ещё десять минут, пока ты сама проснёшься, но потом понял, что если не разбудить тебя, ты проспишь до полудня. А у нас сегодня много работы.

Саша моргнула. Сон ещё не отпустил её, и она несколько секунд пыталась понять, почему у неё на груди сидит говорящий кот и почему это кажется нормальным.

– Какого... – начала она, но не договорила.

– Я не люблю ругательства, – перебил её Марсель, и его усы неодобрительно дрогнули. – Особенно утром. Это портит карму. И прошу тебя: не зевай мне в лицо, когда будешь говорить. У тебя утреннее дыхание, и оно не очень приятное. Я чувствую его даже отсюда.

Саша села на диване, и кот ловко спрыгнул с неё на пол, приземлившись бесшумно, как тень.

– Что за работа? – спросила она, протирая глаза и пытаясь сфокусироваться на реальности. – Я вообще-то должна рисовать кота в свитере для заказчика. Это и есть моя работа. И если я её не сделаю, мне не заплатят, и я не смогу купить тебе паштет.

– Нет, – сказал Марсель с абсолютной уверенностью, которая не терпела возражений. – Твоя работа сейчас – научиться контролировать свою силу. Потому что сегодня утром, пока ты спала и видела сны, я понял одну очень важную вещь. Та магия, которую я почувствовал вчера за стеной, – она не ушла. Она здесь. Она ждёт. И она ищет что-то или кого-то.

Саша замерла, и все остатки сна слетели с неё, как сухие листья с ветки.

– Ты думаешь, это за мной? – спросила она шёпотом, боясь услышать ответ.

– Я не знаю, – ответил Марсель, и в его голосе послышалась та же настороженность, что и накануне. – Но я знаю, что ты должна быть готова. Поэтому вставай, одевайся и делай кофе. У нас будет долгий день. И, возможно, опасный.

Саша встала с дивана, чувствуя, как в груди снова закипает тревога. Но вместе с ней любопытство и какая-то странная решимость, которую она не чувствовала уже много лет. Решимость, которая говорила: «Я справлюсь. Я смогу. Я не одна».

Она пошла на кухню, насыпала кофе в турку поставила на плиту и подождала, пока он закипит. Марсель сидел на подоконнике, на том самом месте, где вчера цвели фиалки, и смотрел на неё пристальным, изучающим взглядом.

– Саша, – сказал он, когда кофе закипел и она разлила его по кружкам – себе в большую, с надписью «Мир во всём мире», и ему в маленькое блюдце, которое она предусмотрительно поставила на пол, – я хочу, чтобы ты сделала одно простое желание. Маленькое. Совсем маленькое. Я хочу проверить, насколько сильно ты можешь его контролировать. Это будет наш первый урок.

Саша замерла с кружкой в руках.

– Какое? – спросила она, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

– Пожелай, чтобы чайник на плите засвистел, – сказал Кот. – Обычный чайник. Не магический. Просто свист. Тот, что стоит на плите.

Саша посмотрела на чайник. Он стоял на плите – старый, эмалированный, с отбитым носиком, который она забыла выкинуть. Она купила его когда-то на распродаже за сто рублей, но он сломался через месяц, и с тех пор он стоял на плите просто так, как декоративный элемент.

– Он сломан, – сказала Саша. – Он не засвистит. Я проверяла. Год назад. Он просто не работает.

– Пожелай, – повторил Марсель, и в его голосе послышалась твёрдость, которая не терпела возражений. – Не думай о том, что он сломан. Думай о том, что он работает. Визуализируй. Представь, как из носика идёт пар, как он свистит громко и звонко. Представь, что вода в нём кипит. Сделай это.

Саша вздохнула. Она закрыла глаза. Сосредоточилась на чайнике – на его форме, на его старом, облупившемся красном цвете, на его отбитом носике. Она представила, как он наполняется водой – чистой, прозрачной, как слеза. Представила, как вода начинает нагреваться, как появляются маленькие пузырьки, как они поднимаются на поверхность, как вода начинает кипеть, как пар вырывается из носика. И прошептала:

– Засвисти.

Сначала ничего не произошло.

Тишина. Только гул холодильника и шум дождя за окном – мелкого, осеннего, который барабанил по стеклу, как тысячи маленьких пальцев.

А потом чайник засвистел.

Громко, пронзительно, так, как свистел когда-то, давно, когда он был новым и работал. Он засвистел, и пар повалил из носика – густой, горячий, настоящий. И Саша отшатнулась, потому что вода в чайнике вскипела. Но она же не наливала туда воду. Чайник был пуст. Она видела это собственными глазами, когда ставила его на плиту.

– Это невозможно, – сказала она шёпотом, и руки её дрожали, и кружка в руках ходила ходуном.

– Это возможно, – ответил Марсель, и в его голосе послышалось торжество – сдержанное, но отчётливое, как проблеск солнца сквозь тучи. – Ты только что налила воду в пустой чайник. Своей силой. Ты создала воду из ничего. Из воздуха. Ты заполнила его кипятком, хотя внутри не было ни капли. Понимаешь? Это – первый шаг. Ты можешь управлять этим. Твоя сила подчиняется тебе, если ты не боишься её. Просто нужно научиться не бояться.

Саша смотрела на чайник, который свистел, и чувствовала, как по спине пробегает холодок. Но вместе с ним – и жар, и восторг, и ощущение, что она только что совершила нечто невозможное.

– Я сделала это, – сказала она, и голос её дрожал от изумления.

– Ты сделала это, – подтвердил Марсель. – Теперь выключи его. Пожелай, чтобы он замолчал и чтобы вода исчезла. Верни всё, как было.

Саша закрыла глаза и снова сосредоточилась. Но в этот раз она чувствовала это – ту самую нить, которая связывала её желание с реальностью. Тонкую, почти невидимую, но прочную, как паутина. Она видела её внутренним зрением – она тянулась от её груди к чайнику, светилась тусклым золотистым светом. Она потянула за неё – и чайник замолчал.

Тишина в комнате стала абсолютной.

Саша открыла глаза и посмотрела на Марселя. Кот сидел на подоконнике, и в его жёлтых глазах горел огонь – яркий, торжествующий, как у учителя, который только что увидел, как его ученик сделал первый правильный шаг.

– Ты только что сделала то, на что многие маги тратят годы, – сказал он. – И ты сделала это за минуту. Ты – не просто усилитель хаоса. Ты – нечто большее. Я чувствовал это с самого начала, когда увидел тебя в парке. И сейчас я уверен.

– И что же? – спросила Саша, боясь услышать ответ, но в то же время чувствуя, что должна его услышать, что он изменит всё.

Марсель медленно поднялся на лапы, потянулся, и его голос стал тихим, почти торжественным:

– Ты – Исток.

Саша замерла.

– Исток? – переспросила она. – Что это значит? Это опасно? Это хорошо? Что это вообще такое?

Но Марсель не успел ответить.

За стеной снова ухнуло – громче, сильнее, ближе, так, что дрогнули стёкла на окне. А потом раздался звон разбитого стекла – где-то в подъезде, на лестнице, – и чей-то голос, низкий и глухой, как будто говорили через плотную ткань, произнёс:

– Есть контакт.

И в тот же миг фиалки на подоконнике вспыхнули – все разом, ярко, как будто в них зажгли маленькие лампочки, – и так же резко погасли.

Марсель ошетинился, его шерсть встала дыбом, и он зашипел так громко, что Саша никогда не слышала такого шипения – в нём было что-то древнее, звериное, опасное.

– Беги, – сказал он, и голос его был страшным, чужим. – Беги, Саша. Сейчас же.

Глава 3. Лена, квас и магический допрос с пристрастием

Саша не побежала.

Она застыла на месте, как вкопанная, и смотрела на кота, который ошетинился так, что казался вдвое больше обычного. Его шерсть стояла дыбом, спина выгнулась дугой, и из горла вырывалось низкое, угрожающее рычание – такое глубокое, что оно, казалось, вибрировало в

полу, в стенах, в воздухе. Жёлтые глаза Марсея горели яростным огнём, и в них не осталось ни капли той усталой иронии, что была вчера. Только звериный инстинкт и готовность к бою.

– Я сказал: беги! – рывкнул кот, не сводя глаз с двери. – Это не шутка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.